

Л 55

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА

На правах рукописи

ЛИБУС
Изя Аронович

УДК 343.121(47+57)

**ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность 12.00.09 — уголовный процесс, судостроительство,
прокурорский надзор, криминалистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Ташкент — 1983

nr
Работа выполнена в Ташкентском государственном университете
им. В. И. Ленина

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук, профессор **АЛЕКСЕЕВ Н. С.**

Доктор юридических наук **ТЕМУШКИН О. П.**

Доктор юридических наук, профессор **МЕЛКУМОВ В. Г.**

Ведущая организация—Институт государства и права АН СССР

Защита диссертации состоится «*17*» *мая* 1983 г.
в *14* час. на заседании специализированного совета Д067.02.02
при Ташкентском государственном университете им. В. И. Ле-
нина (700047, г. Ташкент-47, ул. К. Маркса, 35, юридический
факультет, зал заседаний)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина
(Вузгородок)

Автореферат разослан «*15*» *апреля* 1983 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
Д067.02.02

Б. Х.
доцент САМАРХОДЖАЕВ Б. Х.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

4302

Актуальность темы и ее обоснование. Последовательное расширение прав и свобод советских граждан, усиление социально-экономических, политических и юридических гарантий соблюдения социалистической законности — важная тенденция развития общества зрелого социализма. Выдвижение на передний план проблем прав человека, обеспечения свободы, чести и достоинства личности определяется демократической и гуманистической сущностью советского государства.

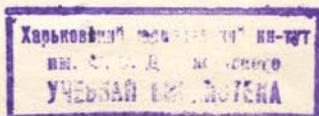
В. И. Ленин писал, что советское государство обеспечило «для трудящихся классов... такую фактическую возможность пользоваться демократическими правами и свободами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших демократических республиках»¹. Тем более это справедливо теперь, когда в нашей стране построено общество развитого социализма, обеспечивающее всестороннее развитие личности, надежную охрану прав, свобод и законных интересов человека.

«Переход к коммунизму, — говорится в Программе КПСС, — означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан. Социализм предоставил и гарантировал трудящимся самые широкие права и свободы»².

Конституция СССР установила, что уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц (ст. 57). Это конституционное положение в полной мере распространяется на органы государства, призванные вести борьбу с

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 499.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1976, с. 106.

преступностью путем расследования преступлений и разрешения уголовных дел. Они обязаны делать все возможное для того, чтобы «ни один случай преступления не проходил нераскрытым»¹, и в то же время гарантировать конституционные права и свободы граждан, оказавшихся вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства. Особое положение среди них занимает обвиняемый (подсудимый) — лицо, в отношении которого ведется производство по уголовному делу. Установить, действительно ли обвиняемый совершил преступление или он не виновен, — основная задача, которую приходится решать органам дознания, следователю, прокурору, суду. Обвиняемый — центральная фигура уголовного судопроизводства.

В советском уголовном процессе обвиняемый не рассматривается как лицо, виновность которого уже установлена. Более того, он считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана вне всяких сомнений и подтверждена вступившим в законную силу обвинительным приговором суда при условии соблюдения им демократических принципов и форм судопроизводства. Сформулированное выше положение принято считать **презумпцией невиновности** обвиняемого.

Презумпция невиновности — фундаментальная категория советского права. Она означает, что всякий человек, которого государственная власть обвиняет в совершении преступления, сохраняет основные права гражданина и рассматривается как невиновный до тех пор, пока коллегиальный орган правосудия — суд не проверит обвинительные выводы следователя и прокурора и не установит, что именно обвиняемый совершил преступление.

Презумпция невиновности определяет правовой статус гражданина, обвиняемого в совершении преступления. С другой стороны, она стимулирует деятельность органов государства, ответственных за уголовное дело, в направлении отыскания объективной истины. Прежде чем придти к выводу о виновности, они обязаны собрать доказательства, достаточные для опровержения предположения о невиновности. Если же таких доказательств нет или их недостаточно, то в силу презумпции невиновности обвиняемый должен быть признан невиновным.

Презумпция невиновности обвиняемого — одна из основ построения советского уголовного процесса. Только в условиях действия презумпции невиновности становится эффективной су-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 412.

дебная защита. Наличие защиты, противостоящей обвинению, характеризует советский уголовный процесс как состязательный.

Вне суда и без суда ни один человек не может быть признан виновным в совершении преступления. Эта сторона презумпции невиновности выражена в статье 160 Конституции СССР.

Презумпция невиновности не только правовой, но и социально-этический принцип, исключающий возможность общественного порицания и применения любого наказания к лицам, виновность которых не доказана.

Таким образом, презумпция невиновности — крупная, многоаспектная проблема социального, правового и этического характера. Она должна быть осмыслена в системе категорий общей теории права. Необходим логический анализ структуры мышления, основанного на применении презумпции невиновности.

Следует учитывать, что проблема презумпции невиновности — составная часть советской концепции прав человека. Важнейший аспект данной проблемы связан с усилением и усложнением идеологического противоборства между социализмом и капитализмом.

Презумпция невиновности — величайшая социальная ценность, огромное благо для граждан, чье доброе имя, честь и достоинство она охраняет.

Теоретическая разработка презумпции невиновности шла неравномерно и была сопряжена с большими трудностями. А. Я. Вышинский, взглядам которого в своё время придавалось большое значение, по существу отрицал презумпцию невиновности. Идею презумпции невиновности последовательно отстаивал М. С. Строгович. Другие видные советские правоведы также теоретически разрабатывали презумпцию невиновности и рассматривали отдельные стороны этого важного правового принципа. Среди них в первую очередь могут быть названы Н. С. Алексеев, В. К. Бабаев, А. Д. Бойков, Ю. М. Грошевой, Т. Н. Добровольская, Л. Д. Кокорев, Л. М. Карнеева, А. С. Кобликов, В. И. Каминская, П. А. Лупинская, В. З. Лукашевич, А. М. Ларин, И. И. Малхазов, Я. О. Мотовиловкер, В. П. Нажимов, И. Д. Перлов, И. Л. Петрухин, Н. Н. Полянский, Г. П. Саркисянц, А. И. Трусов, Г. И. Чангули.

Проблема презумпции невиновности привлекла внимание и некоторых ученых зарубежных социалистических стран.

Эту проблему исследовали Стефан Павлов, Радка Радева (НРБ), Хорст Лютер (ГДР), Лайош Надь (ВНР) и др.

В связи с принятием Конституции СССР (1977 г.) интерес к проблеме презумпции невиновности усилился. Об этом свидетельствует широкая дискуссия о природе презумпции невиновности и ее применении в судебно-следственной практике, организованная в 1978—1979 гг. «Литературной газетой». Дискуссия показала сложность и недостаточную разработанность проблемы презумпции невиновности.

Несмотря на громадное значение презумпции невиновности для дальнейшего развития социалистической демократии и укрепления законности, до последнего времени не было издано ни одной монографии, специально посвященной рассмотрению этой важной проблемы¹. Автору этих строк удалось в какой-то мере восполнить данный пробел благодаря изданию книги, посвященной презумпции невиновности (Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981). Эта монография, а также предыдущая книга того же автора (Либус И. А. Охрана прав личности в уголовном процессе. Ташкент, 1975) и ряд других его работ послужили основой диссертации.

В диссертации решена крупная научная проблема, разработка которой может иметь важное значение для дальнейшего развития советской правовой теории и совершенствования судебно-следственной практики на основе законности, гуманизма и демократии.

Научная новизна диссертации, по мнению ее автора, состоит в следующем:

— Объектом исследования избрана проблема, которая без всякого преувеличения была и остается одной из наиболее спорных в советской правовой и особенно уголовно-процессуальной науке. От того, как решается эта проблема, зависит общая характеристика природы и сущности советского уголовного процесса.

— Конституция СССР 1977 года, принятые на ее основе Закон о Верховном Суде СССР, Закон о Прокуратуре СССР и Закон об адвокатуре в СССР (1979 г.), а также изменения, внесенные в 1980—1982 гг. в Основы законодательства о судост-

¹ Популярный очерк о презумпции невиновности см.: Ларин А. М. Презумпция невиновности. Наука, М., 1982. В 1980 г. Ч. Касумов защитил на эту тему кандидатскую диссертацию. Однако многие стороны презумпции невиновности в ней не рассмотрены или рассмотрены кратко.

ройстве, Основы уголовного законодательства и Основы уголовного судопроизводства, усилив гарантии прав личности в СССР, ввели ряд новых формулировок, в которых закреплены многие стороны презумпции невиновности и связанных с ней правовых институтов. Идея, заложенная в указанных правовых актах, были развиты в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР последнего времени. Таким образом, возникла объективная потребность в теоретическом осмыслении нового нормативно-правового материала и подготовке предложений для дальнейшего совершенствования законодательства союзных республик в духе Конституции СССР 1977 г. Достижению этой задачи в известной мере способствует настоящая диссертация.

— В диссертации презумпция невиновности рассматривается в соотношении с другими правовыми презумпциями — общеправовыми, уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными, цивилистическими. Вопреки широко распространенной точке зрения, диссертант предпринял попытку доказать, что презумпция невиновности охватывается общим понятием правовых презумпций и не является фикцией. Обосновывается вывод, что презумпция невиновности — не только уголовно-процессуальный, но и межотраслевой принцип советского права. Это не только идея, но и объективно существующий правовой норматив. Предпринята попытка вывести презумпцию невиновности из более широких принципов советского права, таких как законность, демократизм, гуманизм, справедливость. Обосновывается вывод, что презумпция невиновности — это конституционный принцип всего уголовного процесса, а не только доказательственного права, как полагают многие авторы.

— Сформулирована и подвергнута специальному изучению презумпция добродетельности советских граждан. Из этой социально-этической категории выведена презумпция невиновности, распространяющаяся в уголовном процессе на подозреваемых и обвиняемых.

— Предпринят сравнительный анализ международных актов, в которых сформулирована презумпция невиновности, законодательства СССР и других социалистических стран с целью найти оптимальную формулировку презумпции невиновности и вытекающих из нее правоположений. Сравнительному исследованию подвергнуто также уголовное и уголовно-процессуальное законодательство союзных республик.

— В диссертации приведены в систему и существенно дополнены аргументы в пользу признания презумпции невиновности объективным правовым положением.

— Тщательно проанализированы теоретические возражения против презумпции невиновности (отдельных ее сторон) и показана их несостоятельность.

— Изучена эмпирико-статистическая и логическая природа презумпции невиновности. Показана логическая структура опровержения предположения о невиновности.

— Новое при изучении обязанности доказывания в уголовном процессе состоит в том, что вся эта проблема рассмотрена с позиций обвиняемого и его защитника. Подробно изучена привилегия обвиняемого, состоящая в том, что он может отказаться от участия в доказывании на всех его этапах. Исходя из общего понятия субъективного права, автор приходит к выводу, что обвиняемый имеет право давать любые показания — как правдивые, так и ложные. В диссертации опровергается довольно распространенное мнение о том, что факт дачи обвиняемым ложных показаний может быть использован в качестве улики против него. Приведены новые аргументы в подтверждение того, что на защитнике не лежит обязанность доказывания обстоятельств, указанных обвиняемым в свое оправдание. Эту обязанность диссертант отличает от общей юридической обязанности адвоката по осуществлению защиты обвиняемого.

— Автор попытался найти новый подход к решению проблемы толкования сомнений в пользу обвиняемого. В частности, изучаемое психологией состояние сомнения он связал с логическим процессом доказывания. Сомнение, если оно адекватно, есть лишь следствие объективной невозможности завершить процесс доказывания логически безупречным выводом о виновности обвиняемого. Рассмотрены различные ситуации, в которых недостаточность улик ведет к сомнению в доказанности обвинения и оправданию подсудимого.

— Формулировка презумпции невиновности, вытекающая из ст. 160 Конституции СССР, дает основание считать, что в стадии предварительного расследования недопустимо признавать лицо виновным в совершении преступления, хотя бы с одновременным прекращением уголовного дела. Исходя из этого, автор диссертации предложил существенно изменить порядок прекращения уголовных дел на предварительном следствии с тем, чтобы вывод следователя о виновности всегда контролировался судом.

В диссертации обосновывается вывод о том, что в соответствии со ст. 160 Конституции СССР товарищеские суды и комиссии по делам несовершеннолетних не вправе рассматривать дела о преступлениях и признавать лиц виновными в их совершении. В связи с этим вносится предложение об изменении республиканских Положений о товарищеских судах и Положений о комиссиях по делам несовершеннолетних.

Опираясь на Конституцию СССР, автор разработал теоретические основы постепенной реформы института прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования. В этом автор также усматривает новизну и актуальность диссертации.

— Рассмотрев проблему соотношения презумпции невиновности и прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям (оправдания), автор обосновал ряд мер, которые, по его мнению, необходимы для более надежной защиты доброго имени человека, признанного невиновным.

Автор диссертации пытается избежать фрагментарности, присущей отдельным публикациям, посвященным презумпции невиновности, и представить проблему в целом.

Методология и методика исследования. Изучение проблемы, составляющей содержание диссертации, было осуществлено на основе применения всеобщего метода марксистско-ленинской материалистической диалектики, в частности теории познания и логики.

Автор опирался в своих выводах на труды классиков марксизма-ленинизма, Программу КПСС, материалы и решения съездов партии и Пленумов ЦК КПСС, постановления высших органов государственной власти и управления.

Выводы диссертанта вытекают из анализа Конституции СССР, Основ законодательства о судостроительстве, Основ уголовного судопроизводства, Основ уголовного законодательства, конституционных законов о суде, прокуратуре и адвокатуре, УПК и УК союзных республик, других законодательных и подзаконных нормативных актов.

В качестве инструмента исследования были использованы методы формальной логики, отдельные категории психологии. Широко применялся категориальный аппарат общей теории права и отдельных отраслевых юридических наук. Теоретический метод исследования при разработке данной проблемы был доминирующим. Однако некоторые выводы обосновывались

также эмпирическими данными. Широко использованы следственная и судебная практика, статистические данные, обобщения деятельности адвокатуры, а также личный тридцатилетний опыт работы автора в качестве адвоката.

Применялись также историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования. Правовые институты, как правило, изучались в процессе их становления и развития. Сравнительно-правовой анализ охватывает законодательство Союза ССР, союзных республик и других социалистических государств.

В диссертации проанализирована советская юридическая литература, посвященная презумпции невиновности и связанным с нею правовым институтам. Использована и юридическая литература зарубежных социалистических стран.

Апробация результатов исследования и их внедрение в практику. Основные положения диссертации были апробированы, получив признание, одобрение и достаточно широкое распространение. Упомянутая книга автора диссертации «Охрана прав личности в уголовном процессе» была положительно оценена в опубликованных рецензиях¹. Вторая из упомянутых книг автора диссертации «Презумпция невиновности в советском уголовном процессе» получила также высокую оценку рецензентов². Рецензенты особо подчеркнули, что это первая изданная в социалистических странах книга, посвященная презумпции невиновности.

Диссертация обсуждена и одобрена на совместном расширенном (с привлечением руководящих работников прокуратуры, суда и адвокатуры) заседании кафедры советского уголовного процесса, кафедры советского уголовного права, кафедры теории государства и права Ташкентского государственного университета.

Многие из изложенных в диссертации идей были использованы автором при подготовке информационных писем по ак-

¹ Ларин А. М.— в журнале «Советское государство и право», 1976, № 10; Славин М.— в журнале «Социалистическая законность», 1976, № 7; Макарова С. Г.— в журнале «Правоведение», 1978, № 3; Ахмедов Г. А., Стерник И. Б.— в газ. «Вечерний Ташкент», 10 апреля 1976 г.

² Агзамходжаев А. А., Егоров В. Я.— в журнале «Коммунист Узбекистана», 1982, № 6—7; Уразаев Ш. З., Бухаров Г. Б.— в газ. «Ташкентская правда», 26 февраля 1982 г.; Темушкин О.— в журнале «Социалистическая законность», 1982, № 11; Резник Г. М.— в журнале «Советское государство и право», 1982, № 8; Радева Р.— в газ. «Правна наука», 16 апреля 1982 г. (НРБ).

туальным проблемам ведения адвокатами дел в различных стадиях уголовного процесса¹.

Основные положения диссертации апробированы также в докладах, с которыми автор выступил перед адвокатами, судьями, работниками прокуратуры и МВД, учеными-юристами на межреспубликанских научно-практических конференциях в Баку (1974, 1975, 1977, 1979 г.г.), Москве (1978), Тбилиси (1979), Фрунзе (1979), Риге (1981), а также на республиканских научно-практических конференциях в Ташкенте (1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981 г.г.).

Автор диссертации изложил в ней положение при подготовке им обобщений деятельности президиумов областных и Ташкентской городской коллегий адвокатов Узбекской ССР в 1971—1981 г.г. В частности, автор диссертации подготовил обобщения по ведению адвокатами уголовных дел: а) на предварительном следствии, б) в суде первой инстанции, в) в кассационных и надзорных инстанциях.

Кроме того, диссертантом подготовлены обобщения практики работы адвокатов Узбекской ССР по ведению отдельных категорий уголовных дел, а именно: а) о преступлениях несовершеннолетних, б) о хищениях государственного и общественного имущества, в) о преступлениях против личности и ряд других обобщений.

Автор использовал содержащиеся в диссертации идеи при подготовке предложений о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства Узбекской ССР, представленных им в Министерство юстиции республики.

Через Министерство юстиции УзССР и Министерство юстиции СССР диссертант представил в Верховный Суд СССР ряд предложений, связанных с подготовкой постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» от 16 июня 1978 г.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и законодательных источников. Глава I носит общетеоретический характер.

¹ Информационные письма: о ведении адвокатами дел о хищениях государственного и общественного имущества; Ташкент, метод. совет. Минюста УзССР, 1978; о ведении адвокатами дел на предварительном следствии; Отдел адвокатуры, 1980; о ведении адвокатами дел в суде кассационной инстанции и в стадии судебного надзора, 1982

В главе II презумпция невиновности представлена как объективное правовое положение. Глава III посвящена рассмотрению презумпции невиновности как руководящего начала доказательственного права. В главе IV на основе принципа презумпции невиновности рассмотрена проблема охраны прав личности при оправдании, прекращении уголовных дел по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование темы и новизны ряда научных выводов автора, изложение примененных методов исследования и указание на апробацию теоретических положений диссертации.

Первая глава диссертации «Общая характеристика правовых презумпций. Роль презумпции невиновности в уголовном процессе» открывается определением презумпций. Благодаря длительным наблюдениям удается выявить устойчивые связи между фактами. В дальнейшем при появлении одного факта существование другого, связанного с ним, предполагается (презюмируется) и не требует для своего подтверждения доказательств (например, факт опубликования закона порождает предположение, что по истечении определенного времени все граждане знают его содержание, и это не нуждается в доказывании). Презумпции могут формулироваться и негативно: если нет одного факта, то нет и другого, связанного с первым (например, если человек не достиг установленного законом возраста уголовной ответственности, то он считается не понимающим общественной опасности и противоправности совершенного им деяния, и доказывание обратного не допускается). Всякая презумпция есть нарочитое преувеличение. Ведь среди граждан, которым адресованы законы, есть и такие, которые их не знают, а в числе подростков, не достигших возраста уголовной ответственности, имеются лица, способные понимать общественно опасный и противоправный характер своих действий. В интересах стабильности правопорядка и пресечения субъективизма в применении права законодатель этих исключений, отступлений от общего правила как бы не замечает. Но в первом случае разрешается доказывать, что лицо ввиду исключительных обстоятельств не могло знать закон (опровержимая презумпция), а во втором случае доказывание понимания уголовного закона

подростком для привлечения его к уголовной ответственности исключается (неопровержимая презумпция).

В диссертации различаются презумпции фактические (естественные) и правовые (легальные). Практическая деятельность человека предполагает использование фактических презумпций как опытных обобщений высокой степени вероятности. Человек презюмирует буквально на каждом шагу.

Правовые презумпции автор делит на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. К общеправовым автор отнес презумпцию истинности и целесообразности норм советского права, презумпцию знания законов гражданами, презумпцию правосубъектности участников правоотношений, презумпцию добродетельности советских граждан. В диссертации показано, как действуют эти презумпции в сфере уголовного судопроизводства. Рассмотрены некоторые отраслевые презумпции гражданско-правового и уголовно-правового, гражданско-процессуального и уголовно-процессуального характера.

Автор выделяет межотраслевую презумпцию отсутствия (неистинности) искомого факта, если не были соблюдены или были существенно нарушены правила процедуры, предусмотренные законом в качестве обязательного условия установления факта. Искомым может быть как главный факт (виновность определенного лица в совершении правонарушения), так и промежуточные факты (отдельные обстоятельства дела). Эта презумпция действует в уголовном, гражданском и административном процессах в случаях, когда в рамках соответствующей процедуры решается вопрос о виновности и ответственности определенного лица. Грубое нарушение или несоблюдение процедуры означает, что привлеченное к ответственности лицо считается невиновным, поскольку факт совершения им правонарушения не может быть признан доказанным. Это и есть межотраслевая презумпция невиновности, действующая в уголовном, отчасти — гражданском и административном процессах, то есть там, где необходимо решить вопрос о виновности лица, привлеченного к ответственности. Соблюдение определенной процедуры — формальное условие признания искомого факта официально установленным. Но есть и содержательное условие: доказанность, обоснованность вывода о виновности. Диссертант возражает против устоявшегося взгляда на презумпцию невиновности как принцип только уголовного процесса. В то же время он полагает, что именно в уголовном процессе этот принцип находит наиболее полное и развернутое выражение. В диссертации обращено вни-

мание на отличие процессуального понятия «виновность» от уголовно-правового понятия «вина». Доказывание виновности включает установление события преступления, состава преступления, лица, его совершившего, вины.

Формальная сторона презумпции невиновности связана с инстинктами допустимости доказательств и процессуальных санкций. Если не соблюдена или существенно нарушена процедура какого-либо процессуального действия, то выявленные при его проведении доказательства считаются неустановленными, а без них главный факт оказывается недоказанным и презумпция невиновности обвиняемого (подозреваемого) — неопровергнутой.

В диссертации рассмотрено и другое основание презумпции невиновности, а именно презумпция добропорядочности советских граждан. Советские граждане в своем подавляющем большинстве не только не совершают преступлений и других правонарушений, но и активно борются за образцовый общественный порядок. Поэтому, если какой-либо гражданин оказывается заподозренным в совершении правонарушения, нужна особая осмотрительность и осторожность, чтобы с полным основанием объявить подозрение обоснованным, а гражданина — виновным и подлежащим юридической или общественной ответственности. Необходимо собрать веские, неопровержимые доказательства виновности и проверить их при строгом соблюдении установленной законом процедуры. Это требование относится ко всем видам государственной деятельности, имеющей задачу возложение на граждан юридической ответственности. Презумпция добропорядочности сначала этическая, а потом уже правовая категория.

В диссертации изложено мнение, что возникшая в цивилистике презумпция добропорядочности может быть трансформирована в общеправовую презумпцию. В советском государстве есть для этого необходимые социальные предпосылки.

Во всех случаях, когда основанием ответственности является виновное поведение участника гражданского процесса, презумпция добропорядочности ответчика (до представления доказательств противного) является одновременно и презумпцией невиновности (неответственности). По гражданским делам о возмещении ущерба и восстановлении чести, наоборот, презюмируется вина ответчика и на него возлагается бремя опровержения исковых требований.

В публично-правовых отношениях, когда решается вопрос о совершении гражданином какого-либо правонарушения, его

ответственности перед государством, презумпция добропорядочности приобретает вид презумпции невиновности лица, привлекаемого к тому или иному виду юридической ответственности. Презумпцией невиновности должны руководствоваться: должностное лицо, решающее вопрос о дисциплинарной ответственности подчиненного ему по службе работника; сотрудник милиции или специальной инспекции, обязанный вне всяких сомнений доказать факт административного правонарушения; судья, единолично рассматривающий материалы об административном правонарушении; товарищеский суд и комиссия по делам несовершеннолетних, обязанные и сходить из возможной невиновности лица, привлеченного к общественной ответственности; орган дознания, следователь, прокурор, суд дри расследовании и рассмотрении дела о преступлении. Можно заключить, что в сфере публичного права презумпция невиновности предполагаемого правонарушителя выступает как предельный случай презумпции добропорядочности. Предельный, потому что имеются некоторые доказательства, колеблющие предположение о добропорядочности, и эти доказательства все время пополняются новыми, однако закон до установленного им момента не считается с этим, рассматривая лицо как невиновное, поскольку вероятность привлечения к ответственности невиновного еще не исключена.

Всякая презумпция выражает то, что бывает чаще всего. Но обвиняемые чаще признаются виновными, чем невиновными. Из этого как будто следует, что презумпция невиновности — вовсе не презумпция, а фикция (С. А. Голунский, Я. О. Мотовиловкер, В. К. Бабаев, Р. Радева). На наш взгляд, ошибочность этих представлений состоит в том, что презумпция невиновности рассматривается в отрыве от более широкой презумпции добропорядочности советских граждан. Большинство граждан добропорядочно.

По мере накопления улики ¹ продвижения дела от стадии к стадии увеличивается противоречие между предположением о добропорядочности обвиняемого и все более нарастающей уверенностью следователя и прокурора в том, что обвиняемый виновен в совершении преступления. Однако презумпция невиновности нарочито не учитывает этого противоречия, связывая доказанность обвинения лишь с моментом вступления приговора в законную силу. В этом формализме презумпции невиновности заключается глубокий смысл, ибо до наступления указанного момента не реализованы все процессуальные гарантии и, стало быть, вину обвиняемого нельзя считать установленной.

Под презумпцией невиновности автор понимает один из руководящих принципов советского уголовного процесса, согласно которому обвиняемый (подозреваемый) считается невиновным и имеет право на обращение с ним как с невиновным до тех пор, пока его виновность не будет достоверно и несомненно доказана в установленном законом порядке и подтверждена обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу. В соответствии с презумпцией невиновности каждый орган государства, ответственный за уголовное дело на той или иной стадии процесса, может придти к окончательному выводу о виновности обвиняемого, лишь опровергнув тщательно собранными доказательствами предположение о его невиновности. Но сводить презумпцию невиновности к этому требованию нельзя. Следовательно, действуя в установленном законном порядке, по окончании расследования считает, что он опроверг предположение о невиновности обвиняемого. Но и после этого презумпция невиновности продолжает действовать: ею руководствуются прокурор и суд. Обвиняемый считается государством невиновным до того момента, когда будет вынесен приговор и он вступит в законную силу.

В диссертации рассмотрено политическое, этическое и юридическое значение презумпции невиновности. Политика КПСС и Советского государства в сфере права направлена на создание условий, обеспечивающих свободу личности, охрану ее прав и законных интересов. Провозглашение и последовательное применение принципа презумпции невиновности является составным элементом этой политики.

Презумпция невиновности имеет и ярко выраженный этический аспект. Гуманно и нравственно считать каждого человека добропорядочным и обращаться с ним соответствующим образом. Если человек заподозрен в совершении преступления и ему предъявлены какие-то обвинения, то в соответствии с требованиями социалистической морали надо внимательно выслушать все возражения против обвинения и тщательно их проверить.

Юридическое значение презумпции невиновности состоит в том, что она: а) определяет такую конструкцию уголовного судопроизводства, при которой выводы следственных органов о виновности должны проверяться судом; б) указывает в общем виде объем процессуальных гарантий, необходимых для достоверного установления факта виновности; в) требует от следователя, прокурора и суда, чтобы они рассматривали подозреваемого и обвиняемого как невиновное лицо до тех пор, пока не

подтвердят его виновность собранными в установленном законом порядке доказательствами; г) служит основанием правила, согласно которому недоказанная виновность в юридическом отношении приравнивается к доказанной невинности; д) является гарантией законных интересов обвиняемого, который получает возможность оспаривать обвинение путем осуществления права на защиту; е) требует, чтобы все сомнения, касающиеся установления обстоятельств дела, при невозможности их устранения решались в пользу обвиняемого; ж) снимает с обвиняемого бремя доказывания своей невинности и возлагает его на соответствующие органы государства.

Диссертант изучил идею и принцип презумпции невинности в процессе их становления и развития. Предпринят анализ ст. 9 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (Франция), где впервые была сформулирована презумпция невинности. Подчеркнуто, что в условиях современного буржуазного государства презумпция невинности играет роль прогрессивного правового принципа, однако реакционные силы стремятся к отказу от него.

В диссертации прослежено развитие научной мысли по вопросу о презумпции невинности. Подвергнуты критике взгляды авторов, отрицавших презумпцию невинности.

Проанализированы формулировки презумпции невинности, изложенные в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., и в ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. и ратифицированного Советским Союзом в 1973 г.

В диссертации обосновывается мнение, что и прежнее законодательство (в частности, Конституция СССР 1936 г.) содержало нормы, из которых могла быть логически выведена презумпция невинности.

Основным законодательным актом, закрепившим презумпцию невинности, является ныне действующая Конституция СССР 1977 г., в которой установлено следующее важное положение: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». Из этого следует, что до тех пор, пока нет приговора, вступившего в законную силу, лицо еще не считается виновным. Но «не считаться виновным» с точки зрения советского уголовно-процессуального законодательства значит «считаться невинным», поскольку

наш закон не знает среднего состояния между виновностью и невиновностью. Обвиняемый, в отношении которого не собрано достаточно улик, — невиновен. Таким образом презумпция невиновности выводится из ст. 160 Конституции СССР с привлечением уголовно-процессуального законодательства. Из Конституции следует, что одно только признание лица виновным в совершении преступления без назначения наказания составляет исключительное право суда. В диссертации прослежено дальнейшее развитие этой важной идеи, выразившееся в устранении из законодательства положений, допускавших признание лиц виновными в совершении преступлений органом дознания, следователем и прокурором при прекращении уголовных дел в стадии предварительного расследования с передачей лиц на поруки, привлечением их к административной ответственности, направлением материалов дела в товарищеский суд и комиссию по делам несовершеннолетних (ч. 3 ст. 43 Основ уголовного законодательства и ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства в редакции Указов Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г.).

В диссертации предпринята попытка показать, что презумпция невиновности выражена в ряде положений Основ уголовного судопроизводства (ст. ст. 14, 36, 43).

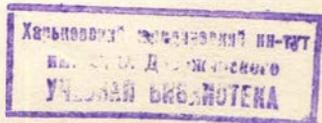
Судебная практика шла по пути использования презумпции невиновности как важного правового принципа. В подтверждение этого автор анализирует постановление Пленума Верховного Суда по делу Калинина (1946 г.) и другие судебные акты.

В диссертации подвергнуто изучению постановление Пленума Верховного Суда СССР № 5 от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту», где, по мнению автора, содержится совершенная формулировка презумпции невиновности: «Обвиняемый (подсудимый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Автор предлагает закрепить эту формулировку в законе с добавлением фразы: «С обвиняемым нельзя обращаться как с виновным». В диссертации подвергнута критике точка зрения, согласно которой презумпция невиновности якобы не вытекает из Конституции СССР и уголовно-процессуального законодательства (В. Д. Арсеньев, Е. Г. Мартынич).

Автор подвергает сравнительному исследованию законодательство других социалистических стран, где формула презумпции невиновности нашла достаточно четкое закрепление. Обращено внимание на то, что в некоторых социалистических странах презумпция невиновности в своей основе сформулирована в Конституциях (ст. 99 Конституции ГДР, ст. 58 Конституции Республики Куба); что употребляются разные формулировки: «обвиняемый считается невиновным» — ст. 14 (2) УПК НРБ (по мнению автора, это наиболее удачно), а также «обвиняемый не считается виновным» — § 3 (1), УПК ВНР, § 2 ст. 3 УПК ПНР (по мнению автора, это менее удачно); что признание лица виновным допускается лишь по приговору суда — ст. 3 УПК СФРЮ, § 2 (2) УПК ЧССР и др.; что центр тяжести в формулировке презумпции невиновности иногда переносится на недопустимость обращения с обвиняемым как с виновным — ст. 4 УК ГДР. Автор вносит конкретные предложения об усвоении положительного правового опыта других социалистических стран для выработки наиболее совершенной формулы презумпции невиновности.

Вторая глава диссертации «Презумпция невиновности как объективное правовое положение» посвящена рассмотрению юридической и логической природы этой категории. Автор рассматривает два подхода к объяснению правовой природы презумпции невиновности. Первый: презумпция невиновности — это всего лишь метод отыскания истины, при использовании которого любой из ответственных за уголовное дело органов — следователь, прокурор, суд — сначала предполагает невиновность обвиняемого, а потом на основе собранных доказательств убеждается в обратном, после чего презумпция невиновности для данного органа прекращает свое действие. Второй: презумпция невиновности не опровергается в результате возникновения у того или иного органа, ответственного за уголовное дело, мнения о виновности; она действует до вступления приговора в законную силу — это точка зрения закона, а не отдельных субъектов процесса. По мнению автора, именно второй подход является правильным, так как он опирается на презумпцию невиновности как объективное правовое положение.

Не опровергает презумпцию невиновности довод о том, что следователь и прокурор, доказавшие виновность обвиняемого на предварительном следствии, не могут вопреки своему внутреннему убеждению считать обвиняемого невиновным (В. П. Нажимов, Л. М. Карнеева и др.). Действительно, следователь, со-

ствляя обвинительное заключение, а прокурор,— передавая дело в суд, должны быть внутренне убеждены в виновности обвиняемого. Но из этого не следует, что презумпция невиновности по окончании предварительного следствия не действует. Нет смысла держать дорогостоящий судебный аппарат, если гарантий предварительного следствия достаточно для достоверного установления виновности обвиняемого.

Неверно, что презумпция невиновности, трактуемая как объективное правовое положение, должна неизбежно нарушаться следователем, прокурором и судом (В. П. Нажимов). Они в еще большей мере, чем обычные граждане, обязаны понимать, что их внутреннее убеждение в виновности обвиняемого должно выдержать проверку на различных сменяющих друг друга стадиях процесса вплоть до вступления приговора в законную силу, что перед ними — не виновный, а обвиняемый. До указанного момента они не вправе публично распространять об обвиняемом сведения как о преступнике. Указанные лица и органы не вправе лишать обвиняемого субъективных прав, принадлежащих всем гражданам (право на жилище, на честь и достоинство и др.) или ставить вопрос о лишении обвиняемого прав перед соответствующими административными органами (за исключением случаев, когда применяются меры процессуального принуждения — отстранение от должности, наложение ареста на имущество обвиняемого и т. п.).

В соответствии со своим убеждением, компетентный орган государства применяет в отношении обвиняемого (подозреваемого) определенную меру пресечения, чтобы обеспечить его явку в суд или создать благоприятные условия для поисков истины по делу. С точки зрения органа (лица), применяющего меру пресечения, обвиняемый, по всей вероятности, виновен, а с точки зрения закона — еще нет. Именно поэтому законодатель разрешает соответствующему органу государства применять в отношении обвиняемого (подозреваемого) до вынесения приговора лишь меры процессуального принуждения, а не уголовное наказание.

Иногда считают, что поскольку презумпция невиновности опровергается следователем, прокурором и судом, то это опровержимый принцип, а значит и вовсе не принцип. Но опровержение предположения о невиновности обвиняемого следователем, прокурором, судом не есть теоретическое опровержение самого правового принципа презумпции невиновности.

Если имеются достаточные доказательства, указывающие на совершение преступления определенным лицом, то это не значит, что в момент привлечения лица в качестве обвиняемого оно уже виновно и презумпция невиновности больше не действует (В. Д. Арсеньев). Правда, в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства говорится, что ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден. Но, во-первых, в ст. 2 Основ привлечение к уголовной ответственности и осуждение выступают не раздельно, а слитно, как два этапа единого процесса, завершающегося признанием лица виновным. Во-вторых, недопущение привлечения невиновных в качестве обвиняемых может быть истолковано как задача с преднамеренным завышением требований — стремление к идеалу, который никогда не будет достигнут (если бы все привлекаемые в качестве обвиняемых были виновны, то само правосудие стало бы излишним).

В диссертации подвергнуты критике так называемые логические теории презумпции невиновности, из которых одна основана на неверном утверждении, что отрицательные факты в принципе недоказуемы (Б. Я. Арсеньев), а другая сводит презумпцию невиновности к логическому приему — косвенному апогогическому доказательству, т. е. доказыванию «от противного» (А. И. Трусов). В то же время делается вывод, что презумпция невиновности как объективное правовое положение действует наиболее эффективно, когда исходным тезисом доказывания является предполагаемая невиновность обвиняемого.

В формулировке презумпции невиновности не одно, а два презумптивных положения. Первое положение: если лицо привлечено в качестве обвиняемого и пребывает в этом процессуальном положении, то оно считается невиновным (факт А влечет факт В). Второе положение: нет вступившего в силу приговора — значит, нет и виновности (если нет факта С, то нет и факта В).

Второе (формальное) презумптивное положение имеет следующую логическую структуру: 1) опыт: по ряду уголовных дел ($A_1, A_2, A_3 \dots A_i$) была применена процессуальная форма (А), и она, как правило, приводила к отысканию истины; 2) норма уголовно-процессуального права: ввести процессуальную форму А по всем делам этого рода; 3) единичный случай: применительно к уголовному делу Ах процессуальная форма, установленная нормами права, неоптимальна — недостаточна или

избыточна; 4) вывод, основанный на норме: несмотря на то, что для данного единичного случая Ах процессуальная форма А, установленная нормами права, не является оптимальной, в интересах стабильности правопорядка ее надо все же неукоснительно применять (неопровержимость презумптивного положения).

По мнению автора, презумпция невиновности действует от возбуждения уголовного дела до вступления приговора в законную силу. Презумпцию невиновности следует распространить и на подозреваемого.

Признание обвиняемым своей вины не прекращает действия презумпции невиновности, при этом возникает парадоксальная ситуация: обвиняемый считает себя виновным, а государство как субъект права уголовного наказания считает обвиняемого невиновным до тех пор, пока признание не будет тщательно проверено в судебном разбирательстве. Тем самым признанию обвиняемого не придается решающего значения для обоснования вывода о виновности.

В диссертации обосновывается мысль, что презумпция невиновности является самостоятельным конституционным принципом советского уголовного судопроизводства, поскольку содержит все признаки уголовно-процессуального принципа (это руководящая идея, лежащая в основе построения данной отрасли права, имеющая нормативное закрепление, действующая на всех стадиях уголовного процесса вплоть до вступления приговора в законную силу). Автор не согласен с мнением, что презумпция невиновности — это принцип лишь доказательственного права (А. С. Кобликов и др.). Проявляя себя преимущественно в сфере доказывания, презумпция невиновности имеет более широкую область приложения (определяет статус личности в уголовном процессе, требует судебного контроля над обвинительными выводами следователя и прокурора, не допускает признания обвиняемого виновным в досудебных стадиях процесса). В диссертации предпринята попытка вывести презумпцию невиновности из таких общеправовых принципов, как гуманизм, справедливость, демократия, законность. Автор изучил соотношение презумпции невиновности с некоторыми другими принципами советского уголовного процесса, а именно: требованием объективного, всестороннего и полного исследования обстоятельств дела и установления истины, правом обвиняемого на защиту, принципом уважения чести и достоинства человеческой личности, составительным построением процесса. В свете пре-

зумпции невиновности рассмотрены различные проявления важного уголовно-процессуального правила «благоприятствования защите».

После вступления обвинительного приговора в законную силу лицо считается виновным, а приговор, которым оно осуждено, — истинным и подлежащим обязательному исполнению. Презумпция истинности судебного приговора является опровержимой. Протест в порядке надзора или заключение прокурора о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам ставят под сомнение, но не опровергают факт признания лица виновным. Надзорная судебная инстанция должна проверить, соблюдался ли принцип презумпции невиновности при расследовании и рассмотрении дела в нижестоящих судах. Кроме того, она применяет логический прием доказывания «от противного». Но к этому приему, как отмечалось выше, презумпцию невиновности сводить нельзя. Поэтому из трактовки презумпции невиновности как объективного правового положения вытекает вывод: при рассмотрении дела в надзорной инстанции действует не презумпция невиновности, а презумпция истинности вступившего в законную силу приговора, бремя опровержения которой возлагается на лицо, принесшее протест. В диссертации подвергается критике позиция тех авторов, которые считают, что в стадии надзорного производства одновременно действуют две презумпции — невиновности и истинности приговора (М. Л. Якуб, В. З. Лукашевич, Ч. Касумов и др.).

Презумпцию истинности оправдательного приговора не допускается опровергать по истечении одного года после вступления его в законную силу или после открытия новых обстоятельств. Нельзя опровергать презумпцию истинности и обвинительного приговора, если по истечении одного года после вступления его в законную силу или открытия новых обстоятельств обнаружилось, что лицо было осуждено за преступление, менее тяжкое, чем совершенное, или ему была назначена мера наказания, меньшая, чем та, которая требовалась (ст. 348 УПК УзССР, ст. 373 УПК РСФСР). Это правило установлено для того, чтобы граждане, судьба которых решена приговором, не опасались, что приговор будет пересмотрен в течение неопределенного времени. Такая категоричность законодателя вполне оправдана, так как угроза осуждения реабилитированного не должна сохраняться бесконечно. Автор вносит предложение не отменять спустя один год также постановление следователя и прокурора о прекращении дела по реабилитирующим основа-

ниям за исключением случаев, когда появились вновь открывшиеся обстоятельства.

В диссертации рассмотрена проблема соотношения презумпции невиновности и преюдиций — обязательных для следователя, прокурора и суда юрисдикционных актов, вынесенных по другим делам и вступивших в силу. В ст. 28 УПК РСФСР подчеркнуто, что решение суда по гражданскому делу не обязательно для суда, рассматривающего уголовное дело, по вопросу о виновности обвиняемого (в УПК других союзных республик такого правила нет). Это значит, что при доказывании виновности обвиняемого в полной мере действует презумпция невиновности. Однако в той же норме закона содержится указание на обязательность решения суда по гражданскому делу для органов, расследующих и рассматривающих уголовное дело, по вопросу о том, имели ли место определенное событие или действия. Совершенно очевидно, что речь идет о событии преступления и действиях обвиняемого. Событие преступления и действия обвиняемого входят в главный факт, подлежащий доказыванию по уголовному делу, и, как полагает автор, охватываются широким уголовно-процессуальным понятием виновности. Обвиняемый считается невиновным, если его действия и событие преступления не установлены в предусмотренном законе порядке. Но из этого следует, что преюдиция, установленная в ст. 28 УПК РСФСР, не заменяет презумпцию невиновности при доказывании события преступления и действий обвиняемого. Необходимо учитывать, что обвиняемый не участвовал в данном качестве при установлении фактов, образующих преюдицию, не использовал право на защиту. Поэтому нельзя презюмировать уже установленными событие преступления и действия обвиняемого при расследовании и рассмотрении судом уголовного дела. Это привело бы к существенному ограничению действия принципа презумпции невиновности. По мнению автора, суд, рассматривающий уголовное дело, вправе и обязан вынести приговор только по своему внутреннему убеждению, а не заменять его преюдицией, возникшей при рассмотрении другим судом гражданского дела.

При таком решении вопроса необходимо избежать одновременного действия двух вступивших в законную силу противоречащих друг другу судебных актов — решения суда по гражданскому делу и более позднего приговора суда по уголовному. Цель будет достигнута, если ввести в закон правило: приговор суда, вынесенный по его внутреннему убеждению вопреки прею-

диции, возникшей ранее при рассмотрении другим судом гражданского дела, не вступает в законную силу, а направляется вместе с уголовным делом в ближайшую надзорную инстанцию; туда же направляется и противоречащее приговору решение суда вместе с гражданским делом; на основе рассмотрения коллизионных судебных актов ближайшая надзорная инстанция отменяет один из них и оставляет в силе другой (при наличии оснований возможна отмена обоих этих актов).

Суд может отклонить как недостоверные показания свидетелей, потерпевших, заключения экспертов и одновременно возбудить уголовное дело против лиц, давших, по мнению суда, заведомо ложные показания (заключения). Приговор, в котором содержится вывод о ложности показаний (заключений), не следовало бы рассматривать как преюдицию. При ином решении вопроса обвиняемый и его защитник при рассмотрении дела о лжесвидетельстве не смогли бы оспаривать факт ложности показаний, поскольку этот факт презюмировался бы уже установленным, доказанным. Такое решение вопроса противоречило бы презумпции невиновности обвиняемого.

При рассмотрении выделенного уголовного дела обвиняемый может использовать презумпцию невиновности для опровержения предъявленных ему обвинений. Поэтому нельзя допустить, чтобы факты, установленные по основному (первому) делу, презюмировались истинными при рассмотрении выделенного дела.

Автор приходит к выводу, что решения товарищеских судов, комиссий по делам несовершеннолетних, постановления единоличного судьи по делам об административных правонарушениях, постановления следователей, которыми уголовные дела прекращены с направлением их на единоличное рассмотрение судьи для применения административного наказания, заключения государственных и ведомственных инспекций, приказы о наложении дисциплинарных взысканий и другие юрисдикционные акты, в которых положительно решается вопрос о виновности лиц, совершивших правонарушения, не имеют преюдициального значения для следователя, прокурора и суда при расследовании и рассмотрении ими позже возникшего уголовного дела. Указанные акты и обосновывающие их материалы, по мнению автора, имеют статус доказательств (документов), оцениваемых по внутреннему убеждению следователя, прокурора, суда. При их исследовании на предварительном следствии и в суде действует презумпция невиновности и используется

право обвиняемого на защиту. Необходимо учитывать, что приобщение к уголовному делу юрисдикционные акты были приняты в рамках иной процедуры, которая содержит гораздо меньший объем гарантий по сравнению с уголовно-процессуальной процедурой. Это исключает возможность использовать указанные юрисдикционные акты в качестве преюдиций по уголовному делу и ограничивать тем самым действие презумпции невиновности и права обвиняемого на защиту.

Третья глава диссертации «Презумпция невиновности и процесс доказывания» посвящена изучению различных проявлений презумпции невиновности в доказательственном праве.

Субъекты обязанности доказывания, по мнению автора, — это должностные лица и органы, ответственные за расследование, рассмотрение и разрешение уголовного дела, однако они осуществляют эту обязанность по-разному. Если понимать под доказыванием обоснование заранее выдвинутого обвинительного тезиса, то обязанность доказывания в этом смысле несет лишь прокурор — государственный обвинитель. Кроме того, его обязанность состоит в представлении доказательств, подтверждающих обвинительный тезис, и участии в исследовании доказательств. Обязанность доказывания, возложенная на прокурора в суде, требует от него также участия в исследовании обстоятельств, устраняющих или смягчающих ответственность обвиняемого, вплоть до отказа от обвинения, если проверенными в судебном следствии доказательствами виновность обвиняемого не подтверждена. В последнем случае обязанность доказывания виновности переходит в обязанность доказывания невиновности, поскольку прокурор должен обосновать отказ от обвинения. Обязанность доказывания, возложенная на государственного обвинителя, не означает, что он должен во что бы то ни стало доказать обвинение. Его задача состоит лишь в том, чтобы сделать все возможное для доказывания обвинения. Если же оно объективно недоказуемо, то обязанность прокурора состоит в отказе от обвинения или возбуждении ходатайства о возвращении дела для доследования. Прокурор в суде обвиняет лишь постольку, поскольку это необходимо с точки зрения укрепления законности.

Обязанность доказывания в несколько ином смысле несут орган дознания, следователь и прокурор, надзирающий за законностью в стадии предварительного расследования. Здесь на передний план выдвигается та сторона понятия доказывания, которая состоит в обнаружении, процессуальном закреплении,

проверке и оценке доказательств. Кроме того, указанные должностные лица обязаны обосновать (доказать) тезис, который они выдвинули после завершения исследования доказательств.

Требование закона (ст. 14 Основ) о недопустимости перекладывать на обвиняемого обязанность доказывания распространяется и на суд, в частности, когда прокурор в судебном разбирательстве не участвует. Из этого автор делает вывод, что и суд является субъектом доказывания, что и на нем в определенном смысле лежит обязанность доказывания. Она выражается в объективном исследовании и дополнительном истребовании доказательств без предварительного выдвижения каких-либо тезисов — обвинительного или оправдательного — и в необходимости обоснования приговора (определения, постановления).

Следователь, привлекая лицо в качестве обвиняемого, выдвигает тезис о его виновности, основанный на оценке имеющихся в уголовном деле доказательств. Однако последующая деятельность следователя не подчинена доказыванию именно этого и только этого тезиса. Если бы на следователе лежала такая обязанность, то его деятельность после привлечения лица в качестве обвиняемого носила односторонне обвинительный характер.

Прокурор обеспечивает осуществление обязанности доказывания на предварительном следствии путем: а) контроля за деятельностью следователя по осуществлению обязанности доказывания; б) самостоятельного осуществления этой обязанности; в) направления деятельности следователя в сторону наиболее полного осуществления обязанности доказывания.

В диссертации обосновывается вывод о том, что обязанность доказывания не может быть возложена на адвоката — защитника. Общая правовая обязанность адвоката способствовать выяснению обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, а также оказывать обвиняемому юридическую помощь (ст. 46 УПК УзССР, ст. 51 УПК РСФСР) не тождественна обязанности доказывания. Адвокат, если у него есть объективные возможности, может позитивно доказывать тезис «невиновен», представляя в его подтверждение имеющиеся у него доказательства. Однако в зависимости от конкретной ситуации по делу адвокат может избрать и другой способ защиты, а именно: не доказывая положительно тезис

«невиновен», обратить внимание на недостаточность собранных по делу доказательств, пробелы в расследовании, неисследованность версий, опровергающих обвинение, недостаточную доказанность обстоятельств, используемых во вред подзащитному. В данном случае адвокат никаких фактических обстоятельств позитивно не доказывает, а лишь обращает внимание на недоказанность обвинения. Следовательно, прокурор и суд не вправе перелagать на адвоката обязанность доказывания обстоятельств, выдвинутых обвиняемым в свое оправдание. В этом отношении адвокат в такой же мере не субъект обязанности доказывания, как и обвиняемый.

Презумпция невиновности служит распределителем процессуальной нагрузки по доказыванию между обвиняемым (защитником) и органами государства, ответственными за правильное разрешение дела. Обвиняемый не несет обязанности доказывания по уголовному делу. Если обвиняемый выдвигает в процессе доказывания какие-либо утверждения, указывает на какие-либо обстоятельства, имеющие значение для установления истины по уголовному делу, то проверка этих утверждений, выяснение указанных обстоятельств составляет обязанность органов, осуществляющих судопроизводство, — следователя, прокурора, суда, — которые не вправе перелagать эту свою обязанность на обвиняемого. Обвиняемый сохраняет право быть пассивным, безучастным по отношению к процессу доказывания. Обвиняемый, располагающий сведениями о совершенном преступлении, не несет обязанности давать показания.

Автор предлагает распространить гарантию против самообвинения на свидетелей, если ставятся вопросы, изобличающие их в совершении преступления. Свидетелю необходимо предоставить право не отвечать на такого рода вопросы.

Автор считает, что обвиняемые и подозреваемые не обязаны являться к даче показаний не только в отношении собственного участия в совершении преступления, но и участия в нем других обвиняемых или подозреваемых по данному уголовному делу или по нескольким выделенным уголовным делам, имеющим предметом одно и то же преступление.

В законе следовало бы четко указать, что обвиняемый вправе отказаться от воспроизведения обстановки и обстоятельств происшествия, не может принуждаться к демонстрации определенных действий при проведении следственного эксперимента и проверки показаний на месте.

Обвиняемый не может быть принуждаем к процессуальному закреплению доказательств. Показания обвиняемого, не удостоверенные его подписью, не могут иметь значения судебных доказательств. Вызов следователя на допрос для удостоверения факта дачи обвиняемым определенных показаний, по общему правилу, следует считать недопустимым, так как этим открывалась бы возможность использования следственных работников в качестве постоянных свидетелей суда.

Обвиняемый не обязан также представлять органу дознания, следователю, прокурору и суду имеющиеся в его распоряжении доказательства. Но указанные лица и органы могут использовать свое право на принудительное изъятие доказательств (обыск, выемка, принудительное освидетельствование). Возложение на обвиняемого обязанности выдать доказательства по требованию следователя, прокурора и суда не есть переложение на него обязанности доказывания. В этих случаях обязанность доказывания выполняют указанные органы государства, а обвиняемый не должен им противодействовать.

Привод обвиняемого не следует рассматривать как меру принуждения к даче показаний по существу дела. Будучи принудительно доставлен к месту производства следствия или в суд, обвиняемый не несет обязанности участвовать в доказывании своими показаниями или экспериментальными действиями.

В диссертации рассмотрен спорный вопрос: можно ли использовать в качестве косвенного доказательства виновности обвиняемого факт дачи им ложных показаний? Правовое регулирование в уголовном процессе осуществляется с помощью запретов, предписаний и дозволений. В законе нет адресованного обвиняемому запрета давать показания, как правдивые, так и ложные (кроме случаев, когда обвиняемый заведомо ложно изобличает другое лицо в совершении преступления). Закон не содержит и предписания обвиняемому давать лишь правдивые показания. Остается только дозволение обвиняемому давать такие показания, какие он сочтет нужными, — правдивые или ложные. Используя факт дачи обвиняемым ложных показаний как доказательство его виновности, нельзя обеспечить реальное и активное осуществление им права на защиту, поскольку, отрицая свою вину, обвиняемый, как правило, отвергает и подтверждающие обвинение доказательства. Контраргументы обвиняемого, проверенные следователем и не нашедшие подтверждения, превращаются в дополнительный ряд доказательств обвинения. Обвиняемый должен будет постоянно опа-

саться того, что утверждаемый им факт, не нашедший объективного подтверждения, обернется уликой против него и что любая попытка опровергать, отрицать факты, обосновывающие обвинение, может ухудшить его положение. При этом даже не совершавший преступления обвиняемый будет опасаться оспаривать обвинение, так как в случае неподтверждения его возражений создается угроза, что они будут использованы против него. Надо также учитывать, что ложь обвиняемого может быть вызвана нарушениями законности на предварительном следствии или неправильно понятыми личными интересами.

Принуждение обвиняемого к активности было бы оправданием пассивности органов государства, осуществляющих борьбу с преступностью, их неспособности без содействия обвиняемого устанавливать истину по делу. Центр тяжести следственной работы не должен перемещаться на обвиняемого. Расследование и судебное рассмотрение уголовного дела должны быть так организованы, чтобы и при отказе обвиняемого от участия в доказывании было бы обеспечено установление объективной истины. Обязывать обвиняемого к представлению или указанию доказательств — значит требовать невозможного, поскольку обвиняемый довольно часто не знает, какими доказательствами может быть подтвержден тезис, выдвинутый им в свое оправдание.

Если обвинение не доказано, то это влечет сомнение в виновности обвиняемого, которое должно быть истолковано в его пользу. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» четко сформулировал это правило, указав, что «все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устрани́ть, толкуются в пользу подсудимого». Автор предлагает закрепить это правило в законе.

Сомнение в виновности обвиняемого может возникнуть, если какое-либо фактическое обстоятельство, составляющее основу обвинения, недостаточно подтверждено собранными по уголовному делу доказательствами. Фактические данные, вызывающие сомнение, исключаются из совокупности доказательств, подтверждающих обвинение, поэтому и все обвинение признается недоказанным. Говорить о необходимости толкования сомнений в пользу обвиняемого можно только в тот момент, когда исчерпаны все возможности по доказыванию, но преодолеть сомнение, несмотря на усилия следственных и судебных органов, не представляется возможным.

Сомнение в оправдывающих обвиняемого доказательствах, если оно не может быть устранено, также толкуется в пользу обвиняемого. Обвинение в той части, в которой ему противостоит неопровергнутое оправдывающее обязательство, не может быть признано доказанным. У следователя и суда в такой ситуации не может быть полной уверенности в том, что оправдывающего обвиняемого обстоятельства не существует.

Требование достоверности и обоснованности выводов следователя и суда, из которого исходит правило о толковании сомнений в пользу обвиняемого, служит не только законным интересам обвиняемого, но и является неприменным условием достижения истины.

Психологически переход от сомнений и колебаний к твердому убеждению не есть какой-то мистический процесс, оторванный от объективных оснований и потому не поддающийся постороннему контролю. Ему соответствует процесс накопления доказательственного материала до тех пор, пока его не окажется достаточно для достоверного вывода о виновности.

На применение правила о толковании сомнений не может влиять личность обвиняемого, его общественное и служебное положение, поведение на следствии и в суде.

Некоторые авторы утверждают, что не всякое, а лишь «разумное» сомнение надо толковать в пользу обвиняемого (М. А. Чельцов, В. И. Каминская). Судьям и следователю предлагают не сомневаться в доказанности обвинения, если имеющиеся в деле доказательства дают основание лишь для абстрактно-теоретического, а не реального предположения о том, что обвиняемый не совершил преступления. По мнению автора, разграничение возникающих в процессе доказывания сомнений на «разумные» и «абстрактно-теоретические» размывает переход от вероятного к достоверному в процессе познания истины по уголовному делу и в конечном счете приводит отнюдь не к абстрактному, а практическому признанию возможного осуждения на основе вероятности. Точка зрения о «разумном сомнении» не может быть принята не потому, что вероятность, приближающаяся к достоверности, якобы лишена практического значения (развитие технических наук свидетельствует об обратном). К сожалению, пока не существует надежных критериев для определения степени вероятности вывода при доказывании по уголовным делам и перехода («скачка») от вероятности к достоверности.

На вопрос, применимо ли правило о толковании сомнений

к сомнениям в юридической квалификации деяния и мере уголовного наказания, автор отвечает отрицательно. Сомнения уголовно-правового характера лежат в другой плоскости. Они возникают не потому, что не доказано преступление, а по другим причинам, а именно: в законе нечетко определен состав преступления, нет точных критериев для определения вида и меры наказания, расплывчато представление о справедливости наказания и т. п. Эти сомнения иногда представляется возможным устранить путем толкования тех норм уголовного закона, смысл которых не вполне ясен, или размышлений о мере ответственности личности перед обществом. Их толкование в пользу обвиняемого лишено смысла.

Четвертая глава диссертации «Презумпция невиновности и основания прекращения уголовных дел (оправдания)» посвящена изучению соотношения презумпции невиновности и оснований прекращения уголовных дел (оправдания подсудимого). Автор разделил все основания прекращения уголовных дел (оправдания) на реабилитирующие, нейтральные и нереабилитирующие в зависимости от характера конечного вывода, который делается при прекращении дела (оправдании).

К реабилитирующим основаниям прекращения уголовных дел (оправдания) отнесены: а) отсутствие события преступления, б) отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления, в) недостижение лицом возраста уголовной ответственности, г) недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (ст. ст. 5, 175, 287, 325 УПК УзССР; ст. ст. 5, 208, 234, 309, 349 УПК РСФСР). Автор не согласен с мнением, что презумпция невиновности действует только при прекращении дела (оправдании) по последнему основанию (Я. О. Мотовиловкер и др.). Презюмируется неустановленным до представления доказательств обратного и подтверждения приговором суда событие преступления. Поэтому при недоказанности события преступления, когда неясно, было преступление или его не было, дело подлежит прекращению (подсудимый — оправдан) по п. 1 ст. 5 УПК УзССР (п. 1 ст. 5 УПК РСФСР) именно за отсутствием события преступления. Если окажется недоказанным хотя бы один элемент состава преступления, то нельзя признать доказанным либо сам факт преступления, либо совершение его определенным лицом. В этих случаях подлежат применению соответственно п. 1 ст. 5 УПК УзССР (отсутствие события преступления) или п. 3 ст. 5 УПК УзССР (недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления).

При прекращении дела (оправдании) по всем реабилитирующим основаниям презумпция невиновности применяется еще и в том смысле, что помогает доказать несостоятельность возникших в ходе расследования обвинительных версий, проверить доказательства, которые поначалу казались достаточными для обвинения.

При прекращении уголовного дела (оправдании) ввиду недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления следователь (суд), опираясь на презумпцию невиновности, объявляет гражданина невиновным. По мнению автора, в этих случаях истина по уголовному делу остается неустановленной. Но юридически недоказанность виновности полностью приравнивается к доказанности невиновности.

Автор считает неприемлемыми предложения ликвидировать «недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления» как основание прекращения уголовных дел (оправдания) и вместо него ввести другое — «непричастность обвиняемого к совершению преступления» или «несовершение преступления обвиняемым» (М. С. Строгович, Р. Д. Рахунов, В. М. Савицкий и др.). Недоказанность — объективно существующая ситуация, которая возникает в случаях, когда улики есть, но их недостаточно для признания лица виновным. Поэтому недоказанность нельзя устранить одним лишь росчерком пера. В то же время оправдательный приговор, основанный на утверждении, что подсудимый, возможно, и совершил преступление, но доказать это не удалось, в какой-то мере порочит оправданного. Избежать анализа доказательств в оправдательном приговоре нельзя, поэтому всякий читающий приговор поймет, что некоторые улики против обвиняемого собраны, но их недостаточно. Запрет приводить в оправдательном приговоре порочащие оправданного данные не освобождает судей от обязанности разобрать в приговоре доказательства, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого. Автор предлагает следующий выход из создавшегося положения. Недоказанность необходимо разделить на два равноценных реабилитирующих основания прекращения дел (оправдания), а именно: 1) доказано, что обвиняемый не совершил преступления, 2) не доказано, что обвиняемый совершил преступление (именно так решен данный вопрос в § 172 УПК ЧССР и § 13 УПК ВНР). С целью полной реабилитации обвиняемого при прекращении дела (оправдании) по второму основанию автор предлагает изменить и дополнить закон, а именно: разрешить не оглашать мотивировку оправда-

тельного приговора; выдавать наруки и направлять по запросам учреждений, предприятий и организаций только резолютивную часть оправдательного приговора; оправданному (лицу, в отношении которого дело прекращено) вручать стандартное и единое для всех судов, органов расследования и прокуратуры удостоверение о реабилитации без указания в нем оснований и мотивов реабилитации. Автор предлагает уравнивать во всех отношениях реабилитацию на предварительном следствии и в суде.

Должно быть доказано вне всяких сомнений, что лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, совершило общественно опасное деяние, объективно подпадающее под признаки преступления (п. 5 ст. 5 УПК УзССР). При доказывании этого обстоятельства следователь, прокурор и суд обязаны руководствоваться презумпцией невиновности. Лицо должно быть признано не совершившим общественно опасное деяние (п. 2 ст. 175 УПК УзССР), пока обратное не доказано достоверно, вне всяких сомнений.

К нейтральным основаниям прекращения уголовных дел автор отнес: а) примирение обвиняемого с потерпевшим по делам частного обвинения, б) отсутствие жалобы потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения, в) наличие вступившего в законную силу приговора суда или неотменного постановления следователя (прокурора) по тому же обвинению. Факт примирения потерпевшего с обвиняемым по делам частного обвинения аннулирует само обвинение, хотя бы в его подтверждение и приводились до этого веские доказательства. Отсутствие жалобы потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения, как и в предыдущем случае, аннулирует обвинение на любой стадии процесса. Это значит, что обвиняемый считается невиновным и не претерпевает никаких вредных юридических последствий. В случаях, когда имеются неотменные приговор или постановления о прекращении дела по тому же обвинению, вопрос о виновности вновь не решается.

В ряде предусмотренных законом случаях уголовные дела прекращаются, несмотря на то, что собраны достаточные доказательства, подтверждающие виновность лица в совершении преступления. Конституция СССР (ст. 160), изменения, внесенные в Основы уголовного законодательства и Основы уголовного судопроизводства Указами Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г., а также принятые в их развитие новые редакции УК и УПК союзных республик не оставляют сомнения в том, что гражданин может быть признан

виновным в совершении преступления только приговором суда и что постановление (определение) о прекращении уголовного дела — это не тот документ, которым лицо признается виновным. В частности, из закона устранены формулировки «виновный в совершении преступления» и «лицо, совершившее преступление», применительно к случаям прекращения уголовных дел вследствие изменения обстановки, а также при передаче лиц на поруки и направлении материалов прекращенных уголовных дел в суд для применения мер административной ответственности. Однако вопрос о признании лиц виновными при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям теоретически еще не вполне решен.

Автор считает, что признанию виновным в совершении преступления означает: 1) социальное порицание виновного за его преступное поведение, выраженное в официальном государственном акте; 2) правовую возможность обнародования сведений о совершении преступления определенным лицом; 3) обязанность виновного сообщать (в пределах установленных законом не очень продолжительных сроков) о совершенном им преступлении должностным лицам и органам, для которых эти сведения могут представлять интерес; 4) введение некоторых минимально необходимых кратковременных правоограничений для лиц, совершивших преступления, но освобожденных от уголовной ответственности и наказания (лица, совершившие преступления, в соответствии с ведомственными нормативными актами не принимаются на работу в некоторые учреждения, не всегда направляются в ответственные командировки, не направляются на военную службу в отдельные рода войск и т. п.); 5) введение некоторых видов правовой ответственности для лиц, признанных виновными в совершении преступлений, но освобожденных от уголовной ответственности и наказания (конфискация по суду орудий совершения преступления, денег и ценностей, добытых преступным путем, возмещение ущерба, причиненного преступлением); 6) преюдициальную силу актов, которыми лица признаются виновными в совершении преступлений, т. е. обязательность этих актов для должностных лиц и органов в случае совершения виновным повторного преступления. Если конкретное нереабилитирующее основание прекращения дела характеризуется перечисленными выше признаками, то речь идет в сущности о признании лица виновным в совершении преступления и, значит, в соответствии со ст. 160 Конституции СССР требуется вынесение обвинительного приговора

(хотя бы с освобождением от уголовной ответственности и наказания). Институт признания виновным (включающий случаи освобождения от уголовной ответственности и наказания) представлен в виде идеальной теоретической модели. Законодателем же он пока не разработан.

В диссертации рассмотрены отдельные нереабилитирующие основания прекращения уголовных дел сквозь призму сформулированного выше понятия «признание лица виновным в совершении преступления». Первая группа нереабилитирующих оснований не охватывается этим понятием. В нее автор включил следующие основания: а) истечение сроков давности уголовного преследования, б) изменение обстановки, вследствие чего деяние потеряло характер общественно опасного или лицо перестало быть общественно опасным, в) направление дела в товарищеский суд, г) направление дела в комиссию по делам несовершеннолетних, д) направление прекращенного уголовного дела в суд для применения к лицу мер административной ответственности.

Во всех перечисленных случаях следователь обязан установить истину, т. е. доказать, что имело место деяние, содержащее признаки преступления, и что оно совершено определенным лицом. В противном случае дело подлежит прекращению по одному из реабилитирующих оснований. Установление истины необязательно только в одном случае — при прекращении за истечением сроков давности уголовных дел, приостановленных ввиду необнаружения лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. Прекращая по указанным основаниям уголовные дела, следователь в своем постановлении не только вправе, но и обязан указать лицо, которое по его мнению, виновно в совершении преступления. Однако этот вывод по своему юридическому значению не есть официальное, от имени государства признание лица виновным в совершении преступления.

Если срок давности уголовного преследования истек, то это значит, что право органов государства на социальное порицание правонарушителя погашено. Из этого следует, что лицо в анкетах или иных официальных документах не обязано сообщать о том, что оно совершило преступление, и на него не должны распространяться какие-либо правоограничения. Срок давности аннулировал также право частных и должностных лиц порочить данного гражданина как преступника в печати или иным образом. При совершении лицом нового преступления повторность нельзя рассматривать в качестве квалифициру-

ющего признака, поскольку первое преступление погашено давностью. Поэтому и процессуальные документы, в которых установлено, что лицо в прошлом совершило преступление, не могут иметь преюдициального значения. Это означает, что прекращение уголовного дела по данному основанию не есть официальный акт признания лица виновным, хотя некоторые элементы этого понятия все же налицо (конфискация орудий, преступления, обращение в доход государства денег и ценностей, добытых преступным путем). При таком решении логично поставить вопрос о применении данного основания, если о нем стало известно в период рассмотрения дела судом первой инстанции, не в обвинительном приговоре, а в определении о прекращении дела.

Деяние, совершенное освобожденным от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки, является преступлением с точки зрения критериев, действовавших в момент его совершения. В момент же прекращения дела это деяние не рассматривается как преступление, так как оно потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным. Здесь налицо сходство с прекращением дел за истечением сроков давности уголовного преследования.

При направлении уголовных дел на рассмотрение товарищеских судов и комиссий по делам несовершеннолетних окончательное решение вопроса о виновности лица, совершившего правонарушение, входит в компетенцию этих общественных органов. Вывод органа дознания, следователя, прокурора, суда о виновности не имеет для указанных общественных органов преюдициального значения — они могут признать лицо и невиновным. Но это значит, что в момент прекращения уголовных дел по указанным двум основаниям презумпция невиновности правонарушителя остается непровергнутой. Однако товарищеские суды и комиссии по делам несовершеннолетних не правомочны признавать граждан виновными в совершении преступлений. Из этого следует, что они должны вернуть дело следователю (прокурору), если считают, что было совершено преступление. Автор предлагает изменить положения о товарищеских судах и комиссиях по делам несовершеннолетних, исключив из их компетенции право рассматривать дела о преступлениях.

При направлении прекращенного уголовного дела на единоличное рассмотрение судьи для применения мер административного взыскания следователь делает вывод о виновности, но

он по своему характеру не равнозначен признанию лица виновным в совершении преступления. Такой вывод не есть официально вынесенное социальное порицание преступнику. Он не связывает судью, который может признать гражданина и невиновным. Каким-либо правоограничениям этот гражданин не подвергается. До рассмотрения судьей дела о правонарушении не следовало бы распространять о гражданине сведения порочащего характера. Судья единолично не вправе признать гражданина виновным в совершении преступления. Поэтому он должен вернуть дело следователю (прокурору), если считает, что было совершено преступление.

В диссертации защищается мнение, что, принимая решение о прекращении уголовного дела и передаче его органам общественности или судье, следователь, прокурор и суд не декриминализируют деяние. Они лишь констатируют, что деяние не является преступлением, поскольку не обладает достаточной степенью общественной опасности. Автор полагает, что в интересах укрепления законности на предварительном следствии было бы желательно ввести судебный контроль за правильностью прекращения уголовных дел этой категории в стадии предварительного расследования. Суд мог бы проверять законность прекращения дел в распорядительном заседании с участием прокурора и заинтересованных лиц. Изучив данные об ошибках, допускаемых при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, автор приходит к выводу, что лицо нередко довольно самим фактом прекращения дела, поэтому его право настаивать на рассмотрении дела судом — недостаточная гарантия предотвращения и исправления нарушений законности в стадии предварительного расследования.

Ко второй группе нереабилитирующих оснований прекращения уголовных дел автор отнес: а) издание акта об амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное деяние; б) помилование отдельных лиц высшими органами государственной власти СССР и союзных республик; в) смерть лица, подлежащего уголовной ответственности; г) принятие решения о передаче лица на поруки. Автор считает, что применение этих оснований должно быть связано с признанием лица виновным в совершении преступления и, следовательно, осуществляться судом путем вынесения обвинительного приговора с освобождением виновного от уголовной ответственности и наказания. В диссертации обосновывается предложение о внесении в законодательство такого рода изменений.

Применение оснований прекращения уголовных дел, отнесенных к данной группе, связано с вынесением общественного порицания лицам, виновным в совершении преступлений, возможностью публикации сведений об этих преступлениях, возложением на виновных (исключая умерших) обязанности сообщать по запросам государственных и общественных органов о совершенном преступлении, допустимостью отдельных правоограничений в отношении лиц (кроме умерших), признанных виновными (в пределах непродолжительных сроков, которые должны быть установлены законом),⁴ преюдициальностью приговора, конфискацией орудий преступления, обращением в доход государства денег и ценностей, добытых преступным путем, взысканием материального ущерба, причиненного преступлением. В диссертации рассматривается каждое из указанных оснований.

При отсутствии судебного порядка применения амнистии дознаватели, следователи и прокуроры не всегда стремятся выявлять лицо, совершившее преступление, иногда ограничиваются неустановлением его и прекращают дело. Прекращение дела по амнистии до суда и без суда не устраняет возможности злоупотреблений, когда преждевременно прекращаются поиски преступника или преступником именуется лицо, вина которого не доказана.

Институт помилования должен применяться лишь в отношении виновных лиц. Представляется целесообразным следующий порядок помилования: суд выносит обвинительный приговор, он вступает в законную силу и лишь после этого высший орган государственной власти принимает акт о помиловании. Этот акт по своей юридической природе не является судебным. Если же акт о помиловании принят в процессе расследования дела или его рассмотрения в суде (п. 4 ст. 5 УПК УзССР), то было бы целесообразно установить производство по делу, которым лицо признается виновным в совершении преступления, но на основе акта об амнистии освобождается от уголовного наказания. В этом случае наступают рассмотренные выше правовые последствия, характеризующие институт признания лица виновным в совершении преступления.

Смерть обвиняемого или лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, по действующему законодательству является основанием для прекращения уголовного дела лишь в случаях, когда никто не ставит вопрос о реабилитации

умершего (п. 8 ст. 5 УПК УзССР), т. е. когда надо признать это лицо виновным в совершении преступления. Но это возможно лишь путем вынесения судом обвинительного приговора. Надо достоверно доказать, что именно умерший, а не кто-нибудь другой, совершил преступление, т. е. установить в полном объеме истину и сделать категорический вывод, что преступником является умершее лицо.

По мнению автора, передача лица на поруки должна быть признана возможной лишь после официального установления его виновности в совершении преступления приговором суда с освобождением виновного от уголовной ответственности и наказания. Передача на поруки невиновных бессмысленна. Все признаки, характеризующие институт признания лица виновным, полностью распространяются на лиц, переданных на поруки.

Судебный контроль за применением оснований прекращения уголовных дел, отнесенных к первой группе, и судебный порядок применения таких оснований, отнесенных ко второй группе, будут способствовать повышению роли суда в обеспечении социалистической законности и более надежной охране прав личности.

Заключение диссертации содержит некоторые суждения итогового характера.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

Книги

1. Либус И. А. Охрана прав личности в уголовном процессе. Ташкент, Узбекистан, 1975—8,5 п. л.
2. Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, Узбекистан, 1981—13,5 п. л.
3. Либус И. А. Об эффективности деятельности защитника в стадии предварительного следствия. Ташкент, Фан, 1971—2,5 п. л.

Статьи

4. Либус И. А. Эффективность защиты в советском уголовном процессе. Советское государство и право, 1974, № 3,—1 п. л.
5. Либус И. А. Презумпция невиновности и основания прекращения уголовных дел (оправдание).— Советское государство и право, 1981, № 7,—1 п. л.
6. Либус И. А. Направление уголовного дела на дополнительное расследование и позиция защитника.— Социалистическая законность, 1974, № 5,—0,4 п. л.
7. Либус И. А. и Резник Г. М. Основания реабилитации в уголовном процессе.— Советская юстиция, 1974, № 12,—0,6 п. л.
8. Либус И. А., Алексеева Л. Б. Рецензия на книгу Г. П. Саркисянца «Переводчик в советском уголовном процессе».— Социалистическая законность, 1975, № 3,—0,2 п. л.
9. Либус И. А. Ленинские принципы правосудия— важнейшая гарантия установления истины по делу.— Общественные науки в Узбекистане, 1970, № 12—1 п. л.
10. Либус И. А., Стерник И. Б. Рецензия на книгу Г. А. Абдумаджидова «Этапы развития предварительного следствия».— Общественные науки в Узбекистане, 1974, № 12,—0,3 п. л.
11. Либус И. А. Охрана прав личности в уголовном судопроизводстве в свете новой Конституции СССР.— Сб. Материалы Всесоюзной научно-методической конференции преподавателей уголовно-правовых наук. Под ред. Н. В. Радутной, М., 1978,—0,3 п. л.